

Клод Шаброль: «Я собираюсь снять фильм, в котором влюбленный мужчина преследует женщину, преследует до тех пор, пока не начинает испытывать к ней отвращение. Идея мне кажется забавной» Фото: Reuters

“обожаю заниматься ерундой”

Клод Шаброль — Газете

Легенда французского кино, ветеран новой волны Клод Шаброль привез в Берлин и представил на конкурс свой очередной фильм под эффектным названием «Цветок зла». Это сатира на современную французскую буржуазию — история провинциального семейства, глава которого, добродушная старушка, совершила одно убийство в юности и взяла на себя другое под конец жизни. Сразу после премьеры с Клодом Шабролем встретился Антон Долин.

«Цветок зла» — ваш юбилейный фильм? Кажется, пятидесятый?

Да, это мой пятидесятый полнометражный кинофильм. Но я снимал еще и короткометражки в коллективных фильмах — три штуки. Вот уже и пятьдесят три. Но и это не все. Я делал телефильмы — примерно пятнадцать. Снимал я и шесть серий в телесериалах — вот вам еще. Сами посчитайте.

И впервые сняли фильм о политике, ведь вся детективная история проходит на фоне выборов?

Да нет, и о политике я уже снимал. В шестидесятых, фильм о том, что будет, если революционный терроризм встретится с терроризмом государственным. Естественно, выяснялось, что это одно и то же. «Цветок зла» я не считаю политической картиной, хотя есть в нем смешные элементы, спрятанные от невнимательного зрителя. Все великие моменты французской истории XX века совпадают с убийствами и смертями в семье, о которой я веду рассказ. Никаких глубоких выводов из этого не сделаешь, но забавно получилось, согласитесь.

Ваш фильм достаточно кровав — но все же это комедия?

Я сказал бы, что комедия. Идея была в том, чтобы создать парадокс: семейная святая, канонизированная при жизни всеми родственниками тетя Лина, оказывается женщиной, которая спала с братом и убила родного отца. Комедия для меня — это когда о серьезных вещах говорят несерьезным тоном. Чем серьезнее сюжет, тем легче интонация.

Вы человек опытный. Нашли ли вы что-нибудь в своем пятидесятом фильме, что вас самого удивило, испытали ли что-либо новое?

Ничего особенного, говоря по правде. Так, маленькие изобретения. Например, я снимаю сцену наоборот, и так я поступил с эпизодом убийства в конце. А потом понял, что это было ни к чему: Бернар Леккок — замечательный актер, он способен без моих ухищрений играть как на перевернутой киноплёнке. Я всегда тщательно готовлюсь к съемкам, но на площадке придумываю что-то новое. Забавно, но кажется, что только на этом фильме я наконец-то достиг зрелости. Я перестал себя спрашивать, зачем я делаю то или это, я просто это делаю.

Существует мнение, что слишком много думать на площадке опасно, что действовать надо спонтанно...

Это точно, думать надо не на съемках, а перед съемками.

В вашем фильме много слов — иногда даже слишком много, но о самом главном герои молчат.

То, о чем говорят персонажи, не является сюжетом фильма. Актеры, к счастью, не идиоты. Читая текст, они прекрасно понимают, что важны не только слова, но и вещи, о которых не говорят. Они могут сыграть то, о чем не говорят, и делают это великолепно, потому что все мои актеры поняли главный принцип.

Что за принцип?

Принцип в том, что всегда надо прятать что-то от зрителя. Никогда не надо быть прямым, а не прямые связи как раз и создают комедию, делают фильм легким.

От актеров вы тоже что-то скрываете?

От актеров я не прячу ничего. Я не пытаюсь их обмануть или ими манипулировать. И все это потому, что я очень осторожен в выборе актеров: мне подходят только те, кто способен меня понять. Я предпочитаю не управлять актерами напрямую. Помню, на съемках этого фильма актер Бернар Леккок пытался понять своего персонажа, и я его спросил: «Как тебе кажется, что он ест на завтрак?» Он ответил: «Вряд ли он пьет чай, скорее остывший кофе». Я спрашиваю: «А сахар в кофе кладет?», а он отвечает: «Я абсолютно уверен, что не кладет». Так у нас все и сложилось, и в результате актер полностью погружается в личность персонажа, который никогда не кладет сахар в кофе.

А как было работать с другими актерами, например с Натали Бай?

Натали — она впервые сыграла персонажа, до такой степени далекого от нее самой. Ее героиня постоянно блюдет себя, ходит прямо, волосы у нее уложены идеально. И мне понравилось, что в фильме не создается впечатления искусственности, — зрителю кажется, что Натали всегда такой и была.

Вы так часто снимаете, что, наверное, съемки превратились для вас в буднич- ный, привычный процесс...

Да что вы, отнюдь. Мне нравится превращать съемки в бесконечный праздник. Если это удастся, актеры получают огромное удовольствие: кто откажется участвовать в веселом празднике? Они работают всерьез, но ощущения тяжести нет ни у кого из нас.

А хочется снять что-то абсолютно новое, непохожее на ваш фирменный стиль?

Я собираюсь — не сейчас, попозже — снять на цифровую видеокамеру очень стремительный фильм, в котором влюбленный мужчина преследует женщину, преследует до тех пор, пока не начинает испытывать к ней отвращение. Эта идея мне кажется забавной.

В нынешнем французском кинематографе все больше буржуазных симпатичных картин, но подлинное искусство по-прежнему лежит в области социальной сатиры, то есть критики той самой буржуазии. «Цветок зла» — не исключение...

Если мы вообще снимаем кино об общественном строе, то есть всего два способа это сделать. Предположим, мы делаем фильм об определенных социальных явлениях, например о жизни молодежи из предместий. В этом случае мы можем лишь показать, как обстоят дела, не более. Чтобы анализировать, проникать вглубь, необходим второй уровень. Если мы заговариваем о буржуазии, последнем оставшемся классе, то немедленно понимаем, что она управляет абсолютно всем — и политикой, и экономикой. Даже в России. Правят буржуа или же гангстеры. Но гангстеры могут быть буржуа, а буржуа могут быть гангстерами. Если изучать буржуазию, можно попытаться показать механизм, систему управления, которую она использует, чтобы оставаться социальным классом. Буржуазия кормит саму себя, она не позволяет себя уничтожить. Любый служащий, накопивший немного денег, автоматически становится буржуа.

Ваш фильм, запутанная смесь семейного детектива и мелодрамы, порой кажется пародией на телесериалы. Вы думали об этом?

Хорошо подмечено. Все принципы голливудской системы направлены на то, чтобы

превратить в телепродукцию любые фильмы, произведенные вне Голливуда. Соответственно телефильмы все больше становятся похожи на настоящее кино. Понимаете, не кино похоже на телевидение, а наоборот, сериалы приближаются к кинематографу. Тем лучше.

Что значит название фильма — «Цветок зла»?

Название значит название, и все. Можно искать разные объяснения. Например, тетя Лина — настоящий источник зла в семье. Или другое значение: цветок красив, все им любят, как семейным счастьем моих персонажей, а потом выясняется, что он ядовит. Долго можно разглагольствовать. Правда же в том, что я искал хорошее название, а «Цветок зла» — хорошее название. И никто не посмеет сказать, что название не имеет никакого отношения к фильму.

Вы думали о Бодлере, его «Цветках зла»?

Да, название позаимствовано у него, хотя ничего бодлеровского в самом фильме нет. Словосочетание, разумеется, изобретено Бодлером. Я оставил ему все его цветы, а позаимствовал лишь один. Мне хватает. Нет, серьезно, мы долго выбирали название, искали, но ничего столь же выразительного не нашли.

Какое место в сегодняшнем кинематографе, по-вашему, занимает новая волна, из которой вы вышли?

Комично то, что, как только наш мир покинет Мануэль де Оливейра (знаменитый португальский режиссер, которому исполнилось 94 года. — Газета), мы останемся самыми старыми режиссерами во всей вселенной! (Смеется.) Любопытно, что компания старых друзей, которых когда-то объединяли общие интересы, продолжает снимать до сих пор. Никого из нас не поглотила посредственность. Самый из нас старый и самый молодой духом — Эрик Ромер, ему уже восемьдесят три.

Вас раздражает статус прижизненного классика?

Мне наплевать... В смысле, мне это приятно. А раздражает меня, когда я слышу в интонациях зрителей или просто друзей что-нибудь вроде: «Ну хватит уж, хорош, поснимал ты немало, пора и честь знать». Я обожаю снимать, это для меня подлинное счастье, и снимать я буду до тех пор, пока физически буду способен это делать.

Вы смотрите новые фильмы?

В кино почти не хожу, а телевизор у меня дома в Анжу большой, красивый, подключенный к двумстам пятидесяти каналам, и по ним я смотрю немало фильмов. Из картин последних лет мне очень понравились «Маленькая Одесса» и «Торжество» Томаса Винтерберга. Кстати, куда подозрительнее я отношусь к его соотечественнику Ларсу... как его...

Фон Триеру?

Ага, так его зовут. Он склонен к спекуляциям. А еще не могу ему простить, что он сфотографировался на могиле Дрейера. Тот, небось, в гробу перевернулся.

Может, вам и не удастся снять еще пятьдесят фильмов. Осталось что-то, что вы не успели сделать?

Мне жаль, что я уже не могу, как раньше, забавляться, снимая полное дерьмо, чтобы сказать продюсерам: «Я вас предупреждал». Дают мне, бывало, какой-нибудь посредственный детектив, предлагают почтить и подумать об экранизации. Я читаю, а потом говорю: «Вот что вам надо? Это и получите». Теперь я времени на такую чушь не трачу. Хотя заниматься всякой ерундой я просто обожаю.